

На Барских прудах во Фрязино было тепло и солнечно. Ветер лениво блуждал между деревьями. Листья тихо падали в траву, на воду и уплывали желтыми корабликами. Толик прямо млеет от того, что в конце сентября выдался чудесный день, а вместе с ним и поездка на пикник за город с друзьями.

Отмечали день рождения приятеля Толика, актера Сизова. Компания собралась как на подбор: музыканты, поэты, художники да парочка творческих разгильдяев без определенного рода занятий вроде Толика. Почти все друзья пришли парами, с подругами или женами.

Толина личная жизнь шла под откос. В конце лета он со скандалом разругался с Дашей, устав напряженно проигрывать в голове варианты семейной жизни, и теперь ее избегал. Толик считал, что обстоятельства складываются не в его пользу, Даша была уверена, что он просто скрывается от ответственности. На вечеринку она заявила, полная решимости выяснять отношения.

Разожгли костер, рядом ожидали своего часа замаринованные в тазу куриные обрубки. На них плотоядно поглядывал высокий красивый актер Сизов. Он вместе с Толей приехал покорять столицу, но, в отличие от него, быстро добился успеха, обзавелся семьей. Жена и дочка преданно наблюдали, как он ходит среди гостей и шутит.

— Позвал меня друг в свой рок-театр. Будем ставить моноспектакль «Ты над водой» по Сиэну Екеру, он же наш приятель Семен Ермолаев, — рассказывал Сизов. — Вот хотят поставить мне раскладушку на сцене, чтоб я ее обживал. Надо прям поночевать там несколько раз, присвоить себе, так сказать, это пространство, по замыслу режиссера. Жена не верит, говорит, в загул собрался.

«Одно другому не помешает», — думал Толик, слушая Сизова вполуха и немного завидуя.

— Давай поговорим, — напирала Даша, обиженно поджимая губки, поднося к ним пластиковый стаканчик с вином. — Нам надо все обсудить.

— О чем говорить, чего обсуждать? — отбрыкивался Толик, с тревогой поглядывая на стаканчик. — Если мы перестали понимать друг друга, надо это как-то решать.

— Словами же надо решать!

Даша подталкивала Толика к водоему и щипала за локоть. Когда в кармане завибрировал телефон, Толя был уже измотан разговором, щипками и толчками и едва не улетел в пруд.

— Привет, Толя! Узнал? Да, это я, Юля, — радостно сообщил голос из трубки. — Я здесь проездом. Еду в отпуск. Завтра в полдень буду в Домодедово, а вечером вылетаю на Кипр. У меня будет четыре часа до регистрации. Встретимся?

— Давай, — согласился Толик.

— Кто это? — строго спросила Даша.

— Знакомый один, пожить предлагает.

— Где теперь? — подозрительно прищурилась Даша.

— В Балашихе, — соврал Толик, — комната пуста.

Третью неделю Толя жил у друзей и уже поднадоел им. Степа и его жена Вера снимали небольшую квартиру в двадцати минутах ходьбы от метро на улице Подбельского, втроем с котом им

и самим было тесновато. Толик ночевал на полу кухни, подпирая ногами дверь. Как жить дальше, он не знал. В приступах отчаяния он подолгу не мог уснуть, ворочался, шумел, задевая рюкзак со своими вещами или опрокидывая кошачью миску. Степа и Вера не сочувствовали, но и не отрицали права Толи поступать как заблагорассудится.

Счастливо улыбаясь теплому солнечному вечеру на Барских прудах, Степа и Вера увидели, как Толик и Даша о чем-то оживленно болтают, то ли обнимаясь, то ли толкаясь у воды. Степа, вскинув руку, подал другу бодрый знак, мол, все будет путем.

— Степа, — обернулась в его сторону Даша и указала на Толика, — ну разве можно верить этому человеку?

— Все будет хорошо! — прокричал в ответ Степа и обнял жену. Актер Сизов подумал, что это тост, и стал чокаться с гостями, принимая поздравления.

Из Фрязино приехали на последнем автобусе. От Щелковского автовокзала компания растянулась на полквартила. Расслабленные душевным пикником — никто из гостей не спешил домой. Слушавшему Дашины уговоры понять женские страдания Толику вдруг пришла шальная идея сбежать. Даша обернулась на чей-то призыв, а Толя ловко заскочил в троллейбус, раскрывший двери на остановке в двух шагах от него.

Ночью Толик долго сидел во дворе, вспоминая код от подъезда. На Дашины звонки он отвечал молчанием или подставлял телефон к носу потерявшегося котенка. Слушая его мурлыканье, Даша плакала еще громче.

Оказавшись в квартире, Толик никак не мог уснуть, вздрагивая от сигналов Дашиных сообщений. Под утро вернулся Степа, неодобрительно посмотрел на Толика и сказал:

— Ты потерял форму, старина.

Толик хотел спросить, почему он вернулся один, но Степа упал поперек кровати и уснул. Под его сопение, чувствуя, как наваливается тоска, Толя лег рядом на пол и тоже провалился в сон.

Не проспавшись, Толик вскочил, будто собака от пинка, и понесся в Домодедово. Вскочил лишь потому, что не хотел объясняться со Степой, а еще больше с Верой. Толик ехал чуть живой. Спасала только погода: ни облачка, ни ветерка и теплынь —

хоть купайся. Листья на деревьях, как маленькие солнца, отсвечивали земным волшебством, заставляя из последних сил радоваться жизни. Подъезжая к аэровокзалу в полуобморочном состоянии, Толик глядел на взлетающие за окном самолеты, и ему казалось, что это человечки, весело раскинув руки, падают в небо, как в мягкую чистую постель.

Юля стояла у входа в аэровокзал, придерживая под мышкой книгу. На обложке было крупно отпечатано, точно для слепых: «7 навыков высокоэффективных людей». Юля была чертовски хороша и пахла морской свежестью. Десять лет назад, когда Толя впервые увидел ее, она была такой же. Только свежести было больше.

Потрепанный вид Толика говорил сам за себя, Юля отвела его в кафе и угостила вином. Они не виделись пять лет. Хватило десяти минут, чтобы пройтись по прошлому и добраться до настоящего. Пока Юля ходила в уборную, Толик посмотрелся в ее зеркальце, оставленное на столике, поправил волосы и решил, что пора делать признание: мол, ты все так же хороша, и я по-прежнему думаю о тебе, вот и повод возобновить отношения.

Юля вернулась за столик, весело посмотрела на Толика, и вдруг ее как прорвало:

— Представляешь, отец моего ребенка вчера сделал мне предложение. Мы не виделись с ним год. А у меня сейчас телефонный роман с его лучшим другом. Он мне пишет сообщения каждые полчаса. Я приняла его ухаживания не потому, что без ума от него, просто не переношу одиночества. Хотя в начале лета у меня был страстный роман со жгучим мачо, испанцем, в Барселоне. Расставание было очень болезненным. Эх, зря я нарушила обещание, кроме Италии, никуда не ездить. Там так волшебное! Знаешь, я езжу туда два раза в год на неделю. И каждую ночь я выхожу на любовное приключение. Уф, оно всегда бывает незабываемым! Я не беру с собой ни паспорта, ни телефона. Это так возбуждает! Так я делала в Париже и Берлине, но это не то... Ты чего хмурый? Не хочешь слушать дальше?

— Хорош, — проговорил Толик. — Что за ересь...

Когда-то он очень сильно и мучительно любил Юлю. Она — нет, ей просто нравилось иметь пылкого преданного и начитанного

поклонника. У Толика это была первая большая любовь, она разбила его сердце. Он поморщился и спросил:

— Мне-то зачем все это знать?

— Потому что ты... — начала она, сверкая глазами.

И тут Юля прям заикаться стала:

— Джу.. джу.. Джульетт.. Льюис... Джульетт Льюис! Моя любимая актриса! Мамочки мои!

Повернув голову, Толик увидел, как за соседний столик присаживается Джульетт Льюис. Сама не лучше его, тоже не в форме — глаза похмельным блеском горят. С ней еще три парня без возраста, форменные торчки, в темных очках на восковых физиономиях.

Юля вприпрыжку напрямиком к Джульетте, сфотографировалась с ней, автограф взяла и кучу комплиментов наговорила. Вернулась, и ее чуть от счастья не разрывает. Она на радостях еще вина взяла подороже.

Тут какой-то лохматый тип подскочил и возбужденно спрашивает:

— Блин, ребят, что это за рок-группа вон за тем столиком?! Да-да, вон те крутые парни в коже и деваха. Я их видел по телику недавно.

— Это же Джульетт Льюис! Она снималась с Тарантино и Клуни в «От рассвета до заката»! Она моя любимая актриса! — взвизгнула Юля.

— Блин, точно, точно!

И тип убежал.

— Оу! Бог мой! Кто у меня сегодня в гостях! Джульетт Льюис! — громко обрадовался небритый мужик за соседним столиком.

Народ кругом засуетился, задвигался поплотнее к Джульетте. Она еще поулыбалась малость, потом пересела, спрятавшись за своих мутных типов. Толик сидел и смотрел, как Юля через каждые пять минут любит на фото и балдеет:

— О! Джульетт Льюис, моя любимая актриса! Я первая ее заметила! В рамочку поставлю!

Потом на Толика переключилась:

— А ты разве не любишь со звездами фотографироваться? Или тебе смелости не хватает подойти? Не уверен в себе?

— Не люблю в принципе фотографироваться, оно как-то не...

— Я бы тоже не подошла раньше, — не слушала Юля. — Но теперь я другая. И вот эта книга мне помогла. Лучше книги я не читала. Очень нужная книга! И ты ее прочти!

Юля тыкала Толику в нос книгой, убеждая, что это свод правил эффективного человека. Она говорила наставительно и твердо:

— С июня я изменилась. Реально! Всего каких-то три месяца! Теперь я способна на все, ничто меня не смутит. Я знаю себе цену. И ты способен на многое, ты должен совершенствоваться, постоянно заточивать пилу. Знаешь первый принцип эффективного человека?

— Знать чего хочешь.

— Это второй. А первый — быть хозяином, а не рабом обстоятельств.

И снова на фотографию любитесь и вина подливает. Опьянела она так, что давай Толе сообщения от любовника показывать. Того, который лучший друг отца ее ребенка. А там ни слова о любви — только про срамные поцелуи вкуса дыни да про твердые сосцы.

— Ты чего, — удивился Толик, — нимфоманка?

— Не знаю... Нет. Сейчас так модно — заводить СМС-романы. Мы просто переписываемся. И мне нравится. Это все несерьезно... Так чувствуешь себя свободной. Думаешь, это плохо?

— Нет, чего уж тут плохого, — решительно произнес Толик, чтобы добавить: «Это просто ужасно», но не успел.

Юля не дала ему сказать:

— Вот и я так подумала. Сначала я сомневалась, но книга помогла мне преодолеть сомнения. Достигайте синей энер.. ой, тьфу, то есть синэргии. Да, теперь я знаю себе цену. Всего каких-то три месяца! И все пошло как по маслу! О, Джульетт Льюис! Спасибочки! Это неспроста она мне встретилась!

Выпив еще вина за счет высокоэффективного человека, Толя потащил его на посадку. Юля вертела головой и подмигивала мужикам, тем, кто посмуглее да покрепче телосложением. Напоследок она постучала по Толиной макушке своей мудрой книгой и заявила, что у них ничего не получится, потому что Толик упустил свой шанс и причем давно.

— Он, наверное, теперь думает, что весь мир держится на нотариусах и психиатрах, — услышал Толик знакомый голос, обернулся и увидел того небритого типа, громче всех радовавшегося появлению Джульетт Льюис.

Небритый тип шел к выходу под ручку с красавицей.

— Как же, на нотариусах. На семи правилах эффективного человека он держится, — сказал Толик вслед, позавидовав их слабленности.

Проводив, забрался он в переполненный автобус. Прижали его ребрами к поручням так, что внутренности сдавило, он и думает: «Ох как давят черти-то, ох.. милая моя Дашка, чудесный ты человек, но нервный. А почему так? Да потому, что цену себе не знаешь. А это не эффективно. Юлька — та себе цену знает, уверенная как удав, шанс свой не упустит. А я, получается, не успел себе цену узнать и проиграл в обеих партиях, упустил за сутки двух девок».

Обливаясь потом, Толик еле дотащился до Степы, а тот с порога заявил:

— Пора тебе съезжать, старина. Жена твердит, что ты мерзкий тип, вчера Дашу довел до истерики. Она ночевала где-то в парке на лавочке. И Вера из-за тебя домой не поехала.

— Когда съезжать?

— Завтра.

— Хорошо, что завтра. Сегодня я измотан до предела. По ходу, я крупно проигрался за эти два дня. Грустно мне. Давай по чуть-чуть.

— Ну, если грустно и проигрался, то давай. Верка все равно сказала, что дома не появится, пока ты не съедешь.

— Хм, знаешь первое правило эффективного человека?

— Нет.

— Ага, и я подзабыл...

Проснулся Толик с тяжелой головой. На него неодобрительно смотрел серый кот. Тело лежало, как в заколоченном гробу. И тут же в крышку СМС от Юли постучалось: «Купаюсь на Кипре, скоро выходим в открытое море на яхте, познакомилась с капитаном, очень милый человек, заглядывается на мои ножки».

«Вот дура, эффективный человек, — поморщился Толик, — кому что».

Кое-как собрал он вещички, только чувствует, далеко не уйти. Уговорил Степу на глоток пива в сквере у дома. Сели, помолчали, посмотрели, как ветер листву и паутину носит. Потом вспомнили, как лет восемь назад в Белостоке вдвоем бегали за одной польской девчонкой со смешным именем Ёлка. Помолчали еще, греясь на солнце, и стали расходиться.

— Ну пока, — сказал Толик.

— Пока, — проговорил Степа. — Зря ты все-таки Дашу обидел. Теряешь форму, старик. Так дела не делаются.

— Да уж, как-то неэффективно получилось.

— Куда ты сейчас?

— Найду, где ночь провести. Потом не знаю куда.

— Удачи тебе. Не дури больше.

Так и разошлись: легко и непринужденно, как будто по пылинке с плеч стряхнули.

Сел Толя в метро и задумался: «А неплохо жизнь устроена. Все по полочкам. Либо ты высокоэффективный человек, либо нет. Либо знаешь себе цену и получаешь ее, либо пропадаешь ни за грош. Может, пока не поздно, тоже освоить эти семь навыков, глядишь, и заживу по-человечески. Хотя нет, толку мне от них не будет. Я везде не в своей тарелке. То я хочу жить так, то эдак... Недавно вообще был готов на «общее дело», хотел по совету Федорова живым воскреснуть и лететь. Да уж, живым воскреснуть и лететь — это круто. Вот это высокоэффективно. Ох уж эти желания, желания... Бесконечные желания. Как бы вообще ничего не желать, ни о чем не жалеть. Тьфу, понесло дурака... То есть неэффективного человека, ха. Ха-ха. Не, во Юлька дает! Столько лет я думал, что она самая светлая и распрекрасная. А у нее в голове бардак похлеще моего. Спасибо Джульетт Льюис — помогла на чистую воду вывести. Открыла глаза на жизнь. Надо же, есть всего семь правил. Кто их знает, тому и козыри. Тот и едет к морю. Вот куда я сейчас еду? Да практически в никуда, прокачусь до конечной и обратно. Надо Сизову позвонить, переночевать-то пустит. Жена у него добрая. Юлька на Кипре, Дашка на лавочке... Н-да, есть чему поучиться. Ну Юлька, а! Сколько лет тогда я только о ней думал, да лет пять точно. Вот, блин, дурак!»

Побурчал Толя еще немного, вспомнил, что до конечной еще минут сорок ехать, плюнул на переживания и уснул.